

Время пролетело быстро, прошло еще несколько дней. Все это время Сяо Циюнь безвылазно сидел в Лицюэцзюй, изучая формации, а Жун Чжиюань, как обычно, уходил на рассвете и возвращался лишь поздней ночью.

Не то чтобы Сяо Циюнь не хотел выходить, просто старейшина правопорядка Янь Цзычэн, видимо, совсем лишился рассудка и вот уже несколько дней караулил его у входа в Лицюэцзюй, требуя реванша. Глава, видя такой балаган, попросту наложил на Лицюэцзюй защитный барьер и недвусмысленно запретил третьему старейшине Янь Цзычэну входить внутрь.

Янь Цзычэн не мог войти, а Сяо Циюнь не мог выйти, так они и препирались. Лишь спустя семь дней, когда кто-то нарушил правила секты и Янь Цзычэна в спешке отозвали, Сяо Циюнь наконец обрел свободу.

После столь долгого заточения, когда страж ворот наконец исчез, Сяо Циюнь, разумеется, не собирался сидеть без дела.

Поэтому, когда Жун Чжиюань под вечер вернулся домой, он издалека увидел черный дым, поднимающийся со стороны Лицюэцзюй. Сердце его дрогнуло, он невольно решил, что его учитель снова что-то натворил. Не успев даже попрощаться с идущими рядом учениками, он поспешно бросился к своему жилищу.

Что он опять задумал?!

Жун Чжиюань добежал до места и с силой распахнул дверь. Он ожидал увидеть во дворе бушующее пламя, но, осознав, что происходит, лишь беспомощно замер.

Это... что еще такое?

Жун Чжиюань застыл на пороге, глядя на человека, который, сосредоточившись на чем-то одном, сидел на корточках посреди двора и разводил огонь. Его волосы были заколоты деревянной палочкой и выглядели слегка растрепанными, на нем был наряд с узкими рукавами, а рядом с кучей дров он казался совсем хрупким.

Жун Чжиюань, конечно же, узнал этого человека — своего учителя, он не мог ошибиться.

Но неужели он сейчас... готовит еду?

Сяо Циюнь, похоже, тоже заметил возвращение Жун Чжиюаня. Одной рукой он обмахивался еще влажным листом веера, а другой, повернув голову, указал на Жун Чжиюаня:

— Ученик вернулся, иди сюда, скорее, помоги мне.

Жун Чжиюань в недоумении подошел и тут же был схвачен Сяо Циюнем, который усадил его на свое место, сунув в руки тот самый лист.

Сяо Циюнь поднял руку и убрал выбившуюся прядь за ухо:

— Ты умеешь разводить огонь?

— Мгм.

— Тогда жги, я приберегу для тебя кое-что вкусное.

Жун Чжиюань был полон сомнений, но все же кивнул. Обернувшись, он создал в ладони маленький огонек и без труда поджег дымящиеся дрова.

Сяо Циюнь: — ...

Издевается, что у меня нет культивации, да?

Жун Чжиюань скосил глаза и как раз увидел ошарашенное лицо Сяо Циюня, а также черные пятна сажи на его щеках, которые тот наверняка поставил, пытаясь разжечь костер. В глубине души Жун Чжиюаня вспыхнуло странное веселье.

Учитель такой неуклюжий... даже немного милый.

Милый...

Тьфу, небось опять затеял какую-нибудь пакость.

Жун Чжиюань отложил лист веера и хотел было уйти в комнату, чтобы повторить сегодняшнюю технику, но Сяо Циюнь снова удержал его:

— Не уходи, ну же, посиди еще немного, посмотри за огнем, я как раз овощи обжарю.

Он еще и готовить умеет?

Жун Чжиюань с бесстрастным лицом ответил:

— Ученику еще нужно повторить технику, изученную сегодня.

— Какую еще технику? Я тебя научу, — Сяо Циюнь, который так долго жил впроголодь, питаясь лишь тем, что удавалось вырвать у системы, теперь был одержим идеей поесть нормальной горячей пищи. Усадив Жун Чжиюаня обратно перед простейшим очагом, Сяо

Циюнь взял два диких яйца, вылил немного масла, раздобытого в столовой, и начал мастерски их обжаривать.

Жун Чжиюань, вздохнув, был вынужден продолжить разводить огонь. Вдруг Сяо Циюнь спросил:

— Какую технику ты сегодня изучал? Расскажи мне.

Ему самому было интересно, отличается ли техника гор Чанцюэ от той, что была в храме Ланься.

— Сегодня была техника перемещения на тысячу ли, — сказал Жун Чжиюань. — Глава сказал, что для этой техники требуются огромные природные задатки, но я думаю, что если приложить усилия, то всегда можно научиться.

— Перемещение на тысячу ли, значит...

Он слышал об этом, Фэн Шуци, кажется, был весьма искусен в подобных вещах.

Но с Жун Чжиюанем все иначе. Несмотря на талант, он был ограничен своей родословной, и лишь когда впоследствии перешел на сторону тьмы, его силы раскрылись по-настоящему. На ранних этапах культивации ему действительно было тяжело, неудивительно, что Фэн Шуци говорил ему такое.

— А ты не думал заменить технику начертанием талисмана? Использовать талисман перемещения на тысячу ли? — Сяо Циюнь перевернул лопаткой жарящиеся яйца. — Так можно сэкономить много духовной энергии.

— В нашей секте мало кто умеет рисовать талисманы, к тому же, чтобы совершить перемещение на тысячу ли с помощью одного талисмана, требуется колоссальное количество энергии. О какой экономии может идти речь? — Жун Чжиюань принял слова Сяо Циюня за шутку, но тот внезапно стал серьезным.

Почему это невозможно?

Сам Сяо Циюнь в свое время прославился среди бессмертных именно благодаря мастерству начертания талисманов, а Жун Чжиюань посмел усомниться в его способностях?

— Иди сюда, я покажу тебе, как это делается, — Сяо Циюнь бросил лопатку, забыл про еду и, потянув Жун Чжиюаня за собой, присел на корточки, чертя на земле палкой. — Суть перемещения на тысячу ли заключается в мгновенном переключении пространства, поэтому, рисуя здесь талисман, нужно сделать его средоточием, связать умы, чтобы намерение рождалось из сердца. Тогда даже без духовной энергии можно добиться успеха.

Сяо Циюнь целиком погрузился в изображение хорошо знакомых ему узоров. Жун Чжиюань следил за движениями его рук и вдруг заметил несколько царапин на тыльной стороне ладони учителя. Он хотел было спросить, но Сяо Циюнь продолжал:

— Смотри, вот так... а потом вот так. Верно, я помню, ты пару дней назад использовал освещающий талисман. Ты сам его нарисовал?

— В тот день я видел, как рисовал седьмой старейшина, и попробовал повторить. Но он получился нестойким, хватило лишь на полчаса.

— Для начала неплохо.

Пока они говорили, Сяо Циюнь уже набросал основу талисмана и с гордостью произнес:

— Гляди сам, разве не так?

В оригинальной книге не было сказано, что Жун Чжиюань, будучи злодеем, обладал способностями к начертанию, но, судя по его словам, он мог повторить рисунок, просто мельком взглянув на него, так что талант у него определенно был.

Жун Чжиюань с недоверием смотрел на человека рядом, в его глазах промелькнуло изумление.

Шэнь Сяньшан... он правда умеет такое?

Что же тогда было все эти годы? Он притворялся глупцом?

Или... просто не хотел его учить?

Заметив, что Жун Чжиюань пристально смотрит на него, Сяо Циюнь вдруг почувствовал странное разочарование:

— Чего смотришь на меня? На талисман смотри!

Воздух наполнился запахом гари. Вдруг Сяо Циюнь что-то вспомнил, вскочил и бросился наутек:

— Моя еда!

<http://bllate.org/book/18837/1834930>